

МЕЖДУ ЭКСПРЕССЕМОЙ И ИДЕОЛОГЕМОЙ: О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Статья посвящена проблемам развития писательской лексикографии. Объекты словарного описания рассматриваются в ней под углом соотношения плана содержания и плана выражения в художественных текстах.

В предисловии к первому выпуску «Словаря языка Достоевского» Ю.Н. Караулов и Е. Л. Гинзбург называют в качестве центральной антинормы писательской лексикографии конфликт между словарем и текстом, словом и идеей: «Пословное лексикографическое представление как будто чревато опасностью разрушить текст, элиминировать сюжет, оттеснить на второй план и выхолащивать мысль автора» [Караулов, Гинзбург, 2001: X]. Отечественная лексикография на всех этапах своего развития предлагала различные пути преодоления этого противоречия. Внимание лексикографов смещалось то в сторону фиксации поэтических приемов употребления слова, то обращалось к так называемому идейному содержанию отдельных произведений и творчества писателя в целом. Несколько огрубляя, можно сказать, что выбор делался либо в пользу экспрессы, поэтического слова «как такового», либо в пользу идеологемы – стоящей за языковой формой, но неразложимо слитой с ней концептуальной единицей, несущей печать авторского мировидения. Наконец, были попытки соединить оба направления.

Экспурс в историю отечественной писательской лексикографии, предпринятый О.И. Фоняковой [Фонякова, 1993], показывает, что в целом интерес к плану содержания предшествовал интересу к плану выражения.

Вопросы писательской идеологии на первом этапе лексикографических исследований связаны и с лингвистическим, и с общепилологическим типом словаря. Семитомное издание «Словаря литературных типов» Н.Д. Носкова (1908-1914) содержит сведения литературного и энциклопедического характера о произведениях И.С. Тургенева, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, К.С. Аксакова, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина и И.А. Гончарова.

Другое лексикографическое произведение этого периода – «Щедринский словарь» М.С. Ольминского – было опубликовано в 1937 году, хотя создан словарь значительно раньше – в конце XIX века. По своему жанру это словарь-симфония, неполный конкорданс, по словам самого М.С. Ольминского, «особый род именного и предметного указателя» [Ольминский, 1937:12].

В словнике преобладают имена собственные, а также идеологически значимые слова и словосочетания, «устойчивые для писателя и эпохи ключевые клише, раскрывающие художественно-идеологическую концепцию творчества писателя и его мировоззрение» [Фонякова, 1993:122]. Словарь Ольминского можно было бы назвать словарем идеологем, тем более что в 20-30-е годы этот термин входит в филологический обиход благодаря исследованиям М.М. Бахтина.

В редакционном вступлении М.М. Эссен к «Щедринскому словарю» указывается, что составитель подводит читателя к пониманию и восприятию основного мировоззрения Щедрина и отмечается, что словарь М.С. Ольминского может стать прототипом, образцом изучения мировоззрения и творчества любого писателя.

Однако жанр идеологического словаря был создан на базе другой лексикографической формы. Он неразрывно связан с именем Б.А. Ларина, предложившего концепцию поэтапного лексикографического описания художественного идиостиля. Первый этап включал в себя создание полного (по всем параметрам) стилистического словаря писателя, второй завершался созданием дифференциального идеологического словаря-монографии, где слово писателя предстало в свете его «идеологии... этических устремлений, его противоборства с враждебными литературными направлениями» [Ларин, 1974:222]. По мысли Б.А. Ларина, в таком словаре следовало представить совокупность «словесных образов, словесных идеограмм, символов, носящих неповторимые качества творческой индивидуальности писателя» (там же).

Реализация этого словарного проекта началась еще при жизни Б.А. Ларина. Материалы к идеологическому словарю были опубликованы в первом выпуске сборника «Словоупотребление и стиль М. Горького», вышедшем в издательстве Ленинградского университета в 1962 году, их публикация была продолжена в следующих выпусках: «Словоупотребление и стиль М. Горького: Описание семантико-стилистической системы писателя» (Л., 1968), «Словоупотребление и стиль М. Горького: Описание семантико-стилистической системы пи-

сателя, сопоставительные характеристики стиля, принципы Словаря М. Горького» (Саратов, 1982), «Словоупотребление и стиль писателя» (СПб., 1995).

В работах М.Б. Борисовой, Д.М. Поцепни, С.В. Бековой, Ю.С. Язиковой и др. выявлен и проанализирован круг идеологически значимых слов (*герой, зверь, грязь, грязный, пыль, пустота, скука, жалость, игра, играть* и т. д.), подводящих к раскрытию духовных ценностей писателя, его мировоззрения, нравственной позиции, определению его места в социально-политических конфликтах эпохи. Говоря языком современной лингвистики, объектом анализа в круге этих работ стали слова-идеологемы, слова-концепты (если понимать последние в духе архангельско-волгоградской концептологической школы, как культурно значимые ментальные образования с обязательной ценностной составляющей). Такое внимание к идеологическому аспекту значения непосредственно направлялось ларинскими идеями «идеологического словаря», положениями ученого о концептуальных различиях в значениях слов, которые обусловлены «различиями не в мире бытия, а в мире сознания» [Ларин, 1974:32].

Творчески развивая положения своего учителя, Д.М. Поцепня считает, что в основу описания в идеологическом словаре должны быть положены художественные идеи-интеграторы, отражающие сущностные мировоззренческие категории автора. Они номинируются концептуальным словом из лексикона писателя, или авторским тропом, или обобщающим понятием, сконструированным самим исследователем. На языковом уровне выявленные идеологемы реализуют себя «в сложной вязи семантических полей». «Именно через выделение и анализ семантических полей эстетически действенных слов и лежит путь к познанию авторского мировосприятия» [Поцепня, 1997:211].

Несмотря на то, что сама Д.М. Поцепня называет свой опыт словаря-монографии эскизом, он убедительно демонстрирует основные положения ларинской лексикографической программы:

1) идеологический словарь представляет в концентрированном виде воплощенную в языке авторскую картину мира в единстве концептуального и эмоционально-образного;

2) он позволяет вскрыть мировоззренческие основы стиля писателя;

3) закладывает основы сопоставительного изучения идиостилей с опорой на художественную идеологию.

Концепция горьковского словаря Б.А. Ларина складывалась в русле плодотворной дискуссии со

«Словарем языка русской советской поэзии», в ходе которой В.П. Григорьевым было выдвинуто понятие экспрессемы.

Полемика между ларинцами и В.П. Григорьевым, отстаивающим принцип дифференциальности семантического описания (причем весьма специфического, ориентированного на слова-экспрессоиды, яркие, броские отступления от норм узального словоупотребления), представлена как в публикациях самих участников дискуссии [Григорьев, 1979; Борисова, 1973], так и в позднейшем ее осмыслении [Поцепня, 1997]. Д.М. Поцепня совершенно справедливо отмечает, что истинной причиной разногласий служило различное понимание эстетической (поэтической) функции языка ее участниками [Поцепня, 1997, с.14-26]: как установки на выражение, с одной стороны, и как «соответствия слова образу, функциональной оправданности и мотивированности художественного слова» [Борисова, 1973:92], с другой.

Григорьевское определение экспрессемы неоднократно уточнялось в дискуссии со сторонниками теории «общей образности».

На первом этапе, в проспекте «Словаря языка русской советской поэзии», экспрессема понимается как единица поэтического языка, способная обнаружить в поэтической речи те художественные приращения смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта [Григорьев, 1965:27], причем индикатором смысловых приращений выступает микроконтекст, образное (метафорическое) употребление. Для этого периода характерно противопоставление экспрессемы и ее контекстной реализации – экспрессоида – и упаковочного материала.

На втором этапе, в ходе полемики с представителями теории «общей образности», В.П. Григорьев снимает столь резкое противопоставление между экспрессоидами и нейтральными словоупотреблениями, уточняя, что экспрессема теперь мыслится как культурно-историческая парадигма контекстов индивидуального употребления слова [Григорьев, 1973:62; 1979:146]. Однако и теперь категория тропеического словопреобразования остается центральной, на что, в частности, указывает в своем анализе словарных статей лексикографического опыта В.П. Григорьева Д.М. Поцепня. Авторы словаря настойчиво подчеркивают значимость специфического плана выражения в содержательной структуре слова как экспрессемы.

С таким вниманием к стороне выражения связана, между прочим, целая серия современных словарей тропов. В этом ключе выполнены словари

образных средств С. Есенина, А. Блока, В. Маяковского Н.А. Тураниной, «Словарь тропов Бродского» В. Полухиной – Ю. Пярли.

В основе «Словаря тропов Бродского» Полухиной – Пярли грамматическая классификация тропов, которые расположены по семи разделам – тропы в позиции субъекта, объекта, предиката, атрибута, адверба, приложения, обращения.

В серии поэтических словарей, подготовленных профессором Н.А. Тураниной, основное внимание уделено демонстрации метафорического видения поэтов (Маяковского, Блока, Есенина) путем каталогизирования всех авторских метафор. Примеры метафорических употреблений расположены в словарной статье в хронологическом порядке, что «позволяет выявить эволюцию метафорических образов поэта, лексическую базу метафор, сочетаемостные возможности лексем – компонентов метафор, показать широкий спектр ассоциаций автора» [Туранина, 2001:58].

Позиция В.П. Григорьева существенно скорректирована в книге «Поэтика слова», где автор пишет о том, что экспрессоид может быть ярким, ключевым, существенно отличным от ранее известных употреблений той же экспрессемы, но и обнаруживая малое своеобразие, он тем не менее остается экспрессоидом. Таким образом, «упаковочный материал» включается в класс экспрессоидов как один из подклассов.

Такое понимание вплотную подводит к современной трактовке этого понятия в последнем словарном проекте В.П. Григорьева «Самовитое слово»: экспрессема – единица творческого отношения к языку, упорядоченное множество эстетически значимых контекстов [Григорьев, 1994:69], причем эстетическое не сводится к экспрессивному. В этом смысле и серия Горьковских словарей – полных, стилистических – тоже может считаться словарями экспрессем. Словарем экспрессем несомненно является «Словарь поэтического языка М. Цветаевой», созданный под руководством О.Г. Ревзиной.

В существующей типологии авторских словарей лексикографический опыт В.П. Григорьева занимает место сводного конкорданса с факультативным заполнением зоны значения (для слов, отсутствующих в словаре С.И. Ожегова и онимов). «Концептуальный отказ от интерпретации» должен, по мысли составителей словаря, сосредоточить внимание читателя на самом слове-экспрессеме, его образных потенциях. Идеологию «Словаря языка русской поэзии XX века» вполне разделяет О.Г. Ревзина, считающая, что лексикографические по-

меты не должны становиться «третьим лишним» между словарем и получателем [Ревзина, 1996:8]. В результате и «словарное слово» М. Цветаевой, рассматриваемое в четырех планах – системном, дискурсивном, эпистемическом и поэтическом – теряет идеологическую составляющую, являя собой неинтерпретированную экспрессему.

Наметившийся в отечественной поэтической лексикографии крен в сторону фиксирующих словарей был отчасти исправлен в связи с появлением «словаря идиоглосс», создаваемого на материале творчества Ф.М. Достоевского коллективом авторов под руководством Ю.Н. Караулова. Объектом лексикографического описания служат в нем «константы идиостиля» – ключевые слова, слова – идеологемы.

Еще в монографии «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов говорит об идеологеме (ключевом слове) как «семантико-тематическом обозначении духовных ценностей» [Караулов, 1987:82]. Идеологеме (ключевому слову) придается в концепции ученого статус единицы когнитивного уровня языковой способности, элемента «языка мысли».

В работе «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов указывает на 2 основных признака ключевых слов-идеологем: высокую частотность и ядерное положение в семантическом поле, которое вокруг них разворачивается в тексте. В статье «Константы идиостиля в лексикографическом представлении (из опыта работы над «Словарем языка Достоевского»)» к этим признакам присоединился целый ряд характеристик, присущих «идиоглоссам» (термин «ключевое слово» понимается теперь ученым более узко, в герменевтическом смысле, придаваемом этому понятию в психолингвистических исследованиях):

- идиоглосса выступает как идиостилевое средство в языке писателя, отражающее его лексико-семантическое своеобразие, как слово, характерное для данного автора, сквозным образом представленное в большинстве его текстов, относящихся ко всем периодам его творчества (т. е. константа идиостиля);

- идиоглосса является носителем важной для автора идеи, идеологемой, тезауросообразующей единицей его миропонимания, конструктивным элементом его картины мира;

- для воспринимающего текст идиоглоссы выполняют герменевтическую функцию, т. е. становятся теми ключевыми словами, которые во взаимодействии друг с другом обеспечивают понимание и истолкование как отдельного текста, так и

всего творческого мира писателя в целом [Караулов, 1999:26].

Таким образом, номинации «ключевое слово» и «идеологема» рассматриваются Ю.Н. Карауловым как акцентирующие внимание на разных сторонах (тезаурообразующей и герменевтической) одного многоуровневого образования – идиоглоссы.

В процессе работы над «Словарем языка Достоевского» коллективом ученых под руководством Ю.Н. Караулова была сделана попытка развести понятия идиоглосса и идеоглосса [Гинзбург, 2001; Караулов, Гинзбург, 2001]. Вводя это противопоставление, авторы исходят из того, что ключевые слова бывают двух родов: слова, характеризующие только текст (идиоглоссы), и слова, отражающие как строение текста, так и несущие на себе печать субъективного авторского мировидения (идеоглоссы). «Пути употребления идиоглоссы – основание для суждения не столько о мировидении писателя (в противоположность опорным, ключевым словам, или идеоглоссам), сколько о манере письма, присущей ему как художнику слова» [Гинзбург, 2001:324]. Идиоглосса входит в ряд традиционных лингвистических терминов глосса, глоссарий, идиолект, идиостиль; идеоглосса же соотносится со словами идея, идеология, идеография. Таким образом, выстраивается соотношение: идеоглосса – идиоглосса – лексические единицы, отличные от идиоглоссы, где каждый предшествующий член соотносится с последующим как маркированный с немаркированным.

На наш взгляд, противопоставление идиоглосса/идеоглосса является избыточным: идиоглосса как единица, соотносимая с категорией идиостиля, не может характеризовать только текст. Это

прекрасно понимают и авторы, вкладывая в понятие идиоглоссы «комплексный смысл, слагающийся из того, что эти единицы, во-первых, суть отражение главных, мироформирующих идей автора, а во-вторых, что они служат концентрированным выражением специфики языка и стиля» [Караулов, Гинзбург, 2001: XXXVI]. Идиоглоссы «представляют собой тезаурообразующие понятия, являясь элементами авторского образа мира, авторского мировидения» (там же). Но тогда в чем их отличие от идеоглоссы, которые являются «единицами когнитивного уровня в структуре языковой личности»? (Там же, с. XXXV).

Тем не менее, в числе последних словарных проектов «Словарь языка Достоевского» отличает наиболее сбалансированное соотношение плана содержания и плана выражения в их лексикографической интерпретации. План выражения слова-экспрессемы передается набором традиционных словарных помет, акцентирующих внимание читателя на внешних формах поэтического словоупотребления. Идеологический аспект семантики слова выражается в самом отборе единиц для базового толкового словаря – ключевых слов, идиоглоссы, идеологема; в упорядочении системы словарных значений полисемантов – от наиболее частотных и концептуально значимых к менее характерным; в методике толкования путем «набрасывания смысла» (М. Хайдеггер), когда предварительный набросок оценивается на фоне целостного мира писателя.

Перенос внимания с экспрессемы на идеоглоссу может рассматриваться как попытка приблизить слово к идее, перейти в лексикографическом описании от образа текста к образу мира писателя, комплексному представлению языка и мысли.

Список использованной литературы:

- Борисова М.Б. Еще раз об «общей образности», «упаковочном материале» и их отражении в словаре писателя // Вопросы стилистики. Вып. 6. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. С. 89–109.
- Гинзбург Е.Л. Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста // Слово Достоевского. 2000. Сб. статей. – М.: Азбуковник, 2001. – 596 с. – С. 324–353.
- Григорьев В.П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. М.: Наука, 1965.
- Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
- Григорьев В.П. Самовитое слово и его словарное представление // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. Т. 53. 1994. №4. С. 69–73.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Караулов Ю.Н. Константы идиостиля в лексикографическом представлении (из опыта работы над «Словарем языка Достоевского») // Русистика сегодня №1–2, 1999. С.25–39.
- Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. – М.: Азбуковник, 2001. – С. IX–LXIII.
- Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Худ. литература, 1974.
- Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1997.
- Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. Т. 1. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. С. 5–40.
- Туралина Н.А. Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре. Белгород: Изд-во БелГУ, 2001.
- Фонякова О. И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке. СПб.: 1993. – С. 113–134.